

УДК 27(571.1)

Современное конфессиональное пространство Забайкальского края

А. В. Жуков, А. А. Жукова

Забайкальский государственный университет, г. Чита

Статья посвящена попытке анализа процессов, проходящих в рамках современного конфессионального пространства Забайкальского края, где, как полагают авторы, религиозные субъекты, равно «традиционные» и «нетрадиционные», стремясь к достижению своих целей, сталкиваются с проблемами социальной приемлемости и правового регулирования своей деятельности. Участвуя в проходящем общественном дискурсе и стремясь доказать собственную социальную лояльность, многие прибегают к конструированию религиозных феноменов и образов, формируя на территории постсоветского Забайкалья трансмодернистское конфессиональное пространство.

Ключевые слова: Забайкальский край, конфессиональное пространство, трансмодернизм, религиозные объединения, прозелитизм, религиозное мифотворчество.

К настоящему времени в рамках конфессионального пространства Забайкальского края сформировалась ситуация, которая в современной философской компаративистике именуется «трансмодерном» [11, с. 9]. Трансмодернизм отвергает безусловные достоинства прогресса и сводит авангардные и поставангардные параметры новой религиозности к уровню дискурса, в котором они вместе с традиционной религиозностью осмысляются и переосмысляются как равноправные участники. Диалогичность, полифоничность, равноправность различных дискурсов являются характерными чертами современной постнеклассической ситуации [14, с. 349]. В конфессиональном пространстве Забайкальского края также сосуществуют разнообразные традиционные и альтернативные направления, которые, так или иначе, влияют на религиозность населения.

В целом данная сфера развивается в соответствии с общероссийскими тенденциями, но имеет свои особенности. Одной из главных является то, что религиозные объединения здесь сохраняют между собой стабильные и мирные отношения. Кроме этого, фундаментальным отличием современной конфессиональной ситуации является ее авторский характер, представляющий такую природность религиозной жизни, которая конструируется здесь и сейчас и не предполагает необходимости в существовании некой запредельной реальности или подлинной традиции. Трансмодерн требует непрерывного синтеза старого и нового, в котором новое может рождаться из образов разных религий и культур – православной, буддийской, протестантской, исламской и др. Современная религиозность может относиться к так называемым

традиционным и к нетрадиционным объединениям. Ее отличием является то, что она выражается в личностном конструировании индивидуальных и поэтому космополитичных отношений со Священным [13, с. 52]. Здесь многое зависит от форм презентации, которые могут принимать эпатажный вид, но при этом они откликаются на самые современные тенденции.

Ощутимое влияние на состояние конфессионального пространства оказывают разнообразные воздействия личностного, группового, этнического, краевого, регионального, федерального и международного масштаба. Одним из важных факторов этого синтеза остается государство, чье содействие, с одной стороны, учреждает различные религиозные и культурные формы, с другой – создает видимость их полной естественности [4, с. 130]. Основным принципом развития взаимоотношений государственной власти с религиозными объединениями на территории Забайкальского края является невмешательство органов власти во внутренние дела конфессий [12]. Присутствие властей в религиозной сфере региона ощутимо на направлениях сохранения историко-культурного наследия и поддержки социально значимых программ. В то же время на уровне непосредственных отношений власти и религиозных объединений существует ряд нерешенных проблем, которые являются показателем необходимости дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей правовое положение последних. Так, актуальными в последние годы стали споры о перспективах традиционных и привнесенных, так называемых нетрадиционных, верований. Отсутствие признаваемых всеми критериев традиционности/нетрадиционности приводит к тому, что каждая конфессия вынуждена на региональном уровне конструировать и доказывать свою социальную приемлемость.

Модель конфессионального пространства Забайкальского края включает горизонтальную проекцию взаимодействия различных религиозных объединений и групп и вертикальную проекцию взаимодействия и коммуникации религиозного и обыденного сознания масс. Горизонтальная проекция предусматривает рассмотрение взаимодействия крупнейших этнических образований региона. Одно из них представлено религиозным комплексом бурятского народа, ядром которого в Забайкалье являются агинские буряты. Этот комплекс компактно базируется в Агинском Бурятском округе, а на территории других районов края он имеет дисперсное распространение.

Другое воплощается в целом ряде религиозных организаций и этнических групп, причисляющих себя к христианской религии. Они существуют на всей территории Забайкальского края: в городах и в сельской местности. Доминирует среди них население, имеющее православные ориентации. Этнической опорой православия в Забайкальском крае служат русские, которые составляют подавляющую часть верующего населения. В процессах межэтнического и межконфессионального взаимодействия участвуют и другие этнические группы: татары, евреи, немцы, поляки, корейцы, армяне, азербайджанцы, китайцы, которые в силу относительной малочисленности в регионе оказывают меньшее влияние. Однако в отдельных случаях оно может стать фактором резкого обострения конфессиональной ситуации в целом. Значи-

тельное влияние на эту ситуацию оказывают взаимоотношения внутри основных этнических групп и религиозных объединений. Так, особенности распространения многих христианских объединений в регионе состоят в том, что на уровне руководства общими чертами являются догматичность системы верований и культа, а также стремление сохранить в неизменной чистоте религиозные устои и традиции, что вступает в противоречие с реальным ходом межкультурного взаимодействия на уровне обыденной реальности.

Наиболее влиятельным религиозным объединением христиан на территории края является православие, важным событием в жизни которого стало разделение Читинской и Забайкальской епархии на Бурятскую и Читинскую и Краснокаменскую [10]. Но размежевание здесь становится ощутимо и на других структурных уровнях. Верхний, ценностный и недоступный обывателю уровень, как правило, создается и поддерживается усилиями образованных священнослужителей и монахов. Отношения епархиального руководства с другими религиозными объединениями характеризуются непримиримостью в борьбе за влияние на территориях, которые считаются православными [2, с. 75]. В то же время на уровне обыденной реальности население, идентифицирующее себя с православием, обладает значительным запасом не вписывающихся в рамки православной догматики миропредставлений, ритуальных и культовых действий. На этом уровне существует терпимое отношение к представителям иных религий и национальностей.

Конфессиональная сфера бурят Забайкалья также не является чем-то единым [6, с. 15]. Внутри нее выделяются разнообразные этнические и религиозные группы. К примеру, в сфере религиозных предпочтений сохраняются противоречия во взаимоотношениях последователей учения школы гелугпа с родовыми группами бурят, идентифицирующих себя с шаманизмом [5, с. 100]. Большое значение имеют отношения между бурятским, тибетским, монгольским и китайским буддизмом, а также между центрами буддизма у агинских бурят и в Республике Бурятия. Среди бурят становятся известны случаи распространения православной веры, протестантизма, буддийского объединения карма-кагью, кришнаизма. Обнажает проблему конкурентной борьбы на духовном рынке региона возрождение шаманских верований и распространение неошаманизма. Активное воздействие на бурят оказывает развивающийся комплекс взаимоотношений с российским бизнесом и политикой. Характерной чертой этой группы является инклюзивизм, т. е. относительная открытость верований и пантеона божеств к восприятию элементов разных культур. С другой стороны, буряты Забайкальского края – это этнос, живущий в соответствии с традициями патриархального общества, где религия служит инструментом консолидации. Среди верующих данной группы все более проявляется понимание в необходимости интеграции самой религии, как бурятского буддизма, так и шаманизма. Это приводит к увеличению влияния этих религий не только на бурят, но и на других носителей религиозности.

Незначительные по численности группы татар, евреев, корейцев, армян, немцев и других не обнаруживают стремления к распространению своей религии и чаще всего стремятся сохранить ее как один из признаков этнической

идентификации. Перечисленные группы продолжают существовать обособленно благодаря различиям в догматике, структуре, в основных ценностях, целях и сферах интересов, с которыми себя идентифицируют. Однако здесь существует целый ряд особенностей, связанных с современными условиями, которые накладывают отпечаток на конфессиональную жизнь, что провоцирует появление сообщений, вызывающих опасение и беспокойство окружающего сообщества. Становится очевидным факт того, что в обществе наступил период, когда конфессии получили отделенное и независимое от этносов существование, и в то же время представители этнических групп могут выбирать различные вероисповедные идентификации.

В связи с распространением в этнической среде конфессий, не связанных с традициями народов Забайкальского края, большие опасения вызывают мусульмане. Татары, исповедующие ислам, традиционно являются религиозной группой, служащей одним из столпов межконфессиональной стабильности региона. Однако степень их влияния в среде мусульман оказывается под сомнением [9]. На всех структурных уровнях общественности Забайкальского края прочно обосновалось мнение, что толчком к эскалации мусульманской угрозы могут послужить миграции населения и прибытие миссионеров из нестабильных регионов Кавказа и Средней Азии и связанное с ними распространение идей религиозного экстремизма.

Позиции протестантских конфессий, католицизма и нетрадиционных религий также определяются тем, что в регионе они не имеют широкой этнической опоры. Их взаимоотношения с окружающим социумом и конфессиональными группами зависят от политики организационных центров в отношении набора верующих. Среди них выделяется несколько моделей взаимоотношений с обществом, имеющих различные последствия. Ряд групп, стремящихся достичь абсолютной социальной приемлемости, такие как католицизм, баптизм, адвентизм, новоапостольская церковь, кришнаизм, бахаизм не ведут активной проповеднической и прозелитической деятельности и стараются не выделяться шокирующим культом и духовными практиками.

Показательным примером отказа от политики активного мифотворчества и прекращения проповедования стала социальная политика движения кришнаитов, резко изменившая свое основное направление с начала XXI в. Еще в середине 90-х гг. XX в. вайшнавы часто выходили на улицы и площади г. Читы, поражая забайкальцев необычными танцами и яркими одеждами [3, с. 30]. Количество приверженцев вайшнавизма неуклонно росло [7, с. 50]. Но с конца 90-х гг. ситуация начала меняться. Новое руководство посчитало, что главное в религии – это внутренняя работа над собой, а не внешнее проявление религиозности. Вскоре от забайкальского варианта вайшнавизма отошли те, кому полюбились уличные прогулки в шафрановых сари, прекратились публичные мероприятия, деятельность организации свелась к нулю [15]. Таким образом, стремление к достижению бесконфликтного существования привело к снижению уровня заинтересованности потенциальных участников религиозного объединения.

Другая политика – активный прозелитизм, массовые проповеди, крещения и культ, направленный на поиск активного мистического общения с духовным миром, применяется группами иеговистов и пятидесятников. Агрессивные группы прозелитов вызывают большой интерес и набирают значительное количество верующих, что и вызывает агрессивную реакцию у конкурирующих религиозных объединений. Это ведет к формированию напряженной обстановки вокруг этих образований в обществе. В этих условиях, как показывает практика [8, с. 39], возможна различная ответная реакция со стороны религиозного объединения. У пятидесятников эта реакция выражается в стремлении наладить широкие социальные контакты за счет обращения к общественным акциям и благотворительным программам. Их активность дополняется распространением мифологем, доказывающих приемлемость и традиционность этого религиозного движения в регионе. Совсем иная реакция на усиление общественного внимания и контроля наблюдается у движения «Свидетели Иеговы» – это усиление внимания к эсхатологии и подготовка последователей для прозелитической работы в условиях возможного запрета движения. Как следствие – еще большее усиление внимания со стороны правоохранительных органов, а следовательно, и общественности, что, как ни парадоксально, может служить целям распространения учения. Необходимо отметить, что влиянием указанных конфессий затронуто лишь небольшое количество жителей края. Вместе с тем структура межконфессиональных взаимоотношений за их счет становится более разнообразной.

Вертикальная проекция в структуре конфессионального пространства характеризуется тем, что на «высоком» уровне профессиональных носителей того или иного вероучения (священство) сохраняется доктринальный комплекс, идеи которого на уровне обычного населения представляются в образе мифологем, в доступной форме рассказывающих о религиозной истине. Такие мифологемы монологичны, они носят авторский характер и направлены на интеграцию общества вокруг собственной организации и вероучения, что ведет к противопоставлению их друг другу, что в отдельных случаях подкрепляется жесткими заявлениями со стороны руководства конфессий. Однако на профаническом уровне между различными религиозными мифологемами не существует столь явных противоречий. Рядовые граждане (не все и не всегда) могут обращаться в случае нужды к каждой из них. Многочисленные боги, духи, обряды, культы, магия могут быть использованы в качестве объекта мольбы или гаранта исполнения желаемого. Религиозное смешение, существующее вне церквей, монастырей и храмов, возникает в процессе удовлетворения духовных нужд обычного населения. Перечисленные феномены являются элементами религиозности не только сельского, но и светского городского населения. Разнородную совокупность многочисленных религиозных феноменов народного уровня невозможно назвать ни «религией», ни «конфессией», так как в этих проявлениях нет ничего общего и, скорее, превалирует личностная религиозная субъективность [1, с. 207].

Вертикальная проекция конфессионального пространства демонстрирует, что было бы ошибкой представлять дело так, будто между верхним и

нижним пластами религиозности проходит непреодолимая граница. Неверным являлось бы утверждение о том, что «народный уровень» представляет собой единое, нераздельное целое, с некой конкретной религией. Этому утверждению противоречит сам факт одновременного существования множественности конфессий, претендующих на обладание паствой в лице некоего народа или населения некой территории. Конфессиональная сфера составлена мозаикой отдельных локусов, в которых религиозные объединения существуют и развиваются в рамках своего, субъективного понимания религиозной истины и своего предназначения. Каждый субъект этого пространства не только самостоятельно оценивает складывающуюся религиозную ситуацию, но и организует коллективные действия своих последователей. Поэтому важным является теоретическое понимание того, что соотношения религиозной партикулярности с гражданским обществом, государством и задачами управления – это проблема, которая недостаточно оценивается в рамках стратегии априорной классификации религиозных проявлений. Эта умозрительная проекция подразделяет религиозные объединения на традиционные и нетрадиционные, этнические и неэтнические. Однако каждое из них по отношению к определенному периоду и конкретным социальным условиям вырабатывает самостоятельную религиозную идеологию, культ и социальную политику, принимаемые либо не принимаемые обществом.

При этом сфера религиозности не связана только с организованными религиозными группами, а существует, в том числе, во внегрупповом и внесистемном мире. Не учитывать этот фактор – это значит обречь себя на принятие таких решений, которые не имеют практического значения. Именно поэтому мы можем утверждать, что стабильность регионального конфессионального поля зависит от политики правительства, административных органов и правоохранительных структур, позиция которых должна определяться исключительно нормами конституции и действующего законодательства. Кроме этого, необходимо заострить внимание на постоянно растущей ответственности регионального руководства религиозных и общественных объединений в отношении своей социальной политики и идеологии. Историческая проекция и перспективы развития конфессионального пространства показывают, что в нем формируется принципиально новое поколение религиозных акторов, специфическими чертами которых являются авторский характер, стремление к моделированию религиозности, основанной на рыночном принципе отношений, включающем продвижение духовного товара от производителя к потребителю, и, наконец, связь с изменяющейся политической, административной, политической и экономической конъюнктурой.

Вопрос о влиянии современного конфессионального мифотворчества на массы населения региона связан также и с тем, что это пространство не избавлено от проблем и конфликтов, и многие религиозные объединения здесь считаются неформатными. Необходимо отметить, что одни из мифов имеют конструктивный, позитивный, утверждающий характер, как в случае с мифом православия, буддизма или пятидесятничества. Другие – мироотрицающий, негативный, разрушающий характер, как в случае с иеговизмом или неому-

сультманским мифотворчеством. И те и другие сталкиваются с разного рода проблемами, отражающими настоятельную необходимость приспособления той или иной конфессии к изменяющимся общественным реалиям.

В итоге необходимо сказать, что каждое из религиозных образований, находящихся в конфессиональном пространстве Забайкальского края, стремится к развитию на основе сохранения собственного культурного ядра и субъективности. Поэтому, несмотря на то, что процессы развития, проходящие в рамках этого пространства, имеют общую тенденцию к интеграции и формированию общероссийского ценностного и духовного поля, тем не менее, сопровождаются ростом конфессионального самосознания, противопоставляющего свое «Я» стремительно изменяющемуся миру. В этих условиях важным фактором развития становится взвешенная политика государственных органов, которая направлена на активное сотрудничество с религиозными объединениями и общественностью, так как только на основе такого взаимодействия становится возможной реализация усилий, направленных на урегулирование межконфессиональных противоречий, конфликтов, обеспечение свободы для каждой религиозной и нерелигиозной личности.

1. *Алексеев В. М.* Китайская народная картина / В. М. Алексеев. – М., 1966. – 260 с.

2. *Арзуманов И. А.* Трансформация конфессионального пространства Байкальской Сибири (XX–XXI вв.) / И. А. Арзуманов. – Иркутск, 2006. – 212 с.

3. *Баринов И. А.* Без Кришны над головой // *Экстра*. – 2009. – № 37 (659). – С. 30.

4. *Бурдые П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // *Поэтика и политика*. – М.: СПб., 1999. – 400 с.

5. *Буряты* / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская – М., 2004. – 633 с.

6. *Герасимова К. М.* Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии / К. М. Герасимова. – Улан-Удэ, 2006. – 341 с.

7. *Жуков А. В.* Современная религиозная ситуация в Восточном Забайкалье / А. В. Жуков. – Чита, 2003. – 160 с.

8. *Жуков А. В.* Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / А. В. Жуков. – Чита, ЧитГУ, 2011. – 45 с.

1. *Alekseev V. M.* Chinese national picture / V. M. Alekseev. – M., 1966. – 260 p.

2. *Arzumanov I. A.* Transformation of confessional space of the Baikal Siberia (the XXth–XXIst c.) / I. A. Arzumanov. – Irkutsk, 2006. – 212 p.

3. *Barinov I. A.* Without Krishna over the head//*Extra*, 2009. – N 37 (659). – P. 30.

4. *Bourdieu P.* Spirit of the state: genesis and structure of a bureaucratic field // *Poetics and policy*. – M.; SPb., 1999. – 400 p.

5. *Buryats* / chief ed. L. L. Abayeva, N. L. Zhukovskaya. – M., 2004. – 633 p.

6. *Gerasimova K. M.* Issues of methodology of culture studies of Central Asia / K. M. Gerasimova. – Ulan-Ude, 2006. – 341 p.

7. *Zhukov A. V.* [and others] Modern religious situation in the East Transbaikalia / Zhukov A. V. – Chita, 2003. – 160 p.

8. *Zhukov A. V.* Religious myths-making in trivial religiousness of the Baikal region population: abstract of a thesis / A. V. Zhukov. – Chita, the Chita State University, 2011 – 45 p.

9. *The Uhlán-Ude eparchy has been separated out the Chita eparchy* [On-line resource]. – Chita, 2009: Official webpage. – URL: <http://chita.eparhia.ru/enapx/news/?ID=586>.

9. *Из Читинской епархии выделена Улан-Удэнская епархия* [Электронный адрес]. – Чита, 2009. – URL: <http://chita.eparhia.ru/enarpx/news/?ID=586>
10. *Заключение Забайкальского правозащитного центра об операции правоохранительных органов в Чите* [Электронный ресурс]. – Чита, 2010: Официальный сайт. – URL: <http://www.lawfulstate.ru/index.php/zashitapprav/2010-03-28-13-26-55/zachistka-chita/>
11. *Колесников А. С.* Постмодерн и новое постметафизическое мышление: от трансмодернизма к трансверсальности // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – СПб., 2010. – № 1, т. 2. – С. 9–10.
12. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. – Ростов н/Д : Феникс, 2001. – Ст. 28, 29.
13. *Фуко М.* Археология знания / М. Фуко. – СПб., 2004. – 416 с.
14. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М., 2003. – 416 с.
15. *Центры общества сознания Кришны в России* [Электронный ресурс]. – М., 2010: Официальный сайт. – URL: http://www.krishna.ru/component?option=com_contact/catid,57/Itemid,338/
10. *The conclusion of the Transbaikal human rights center on the operation of law enforcement agencies in Chita* [Online resource]. – Chita, 2010: Official webpage. – URL: <http://www.lawfulstate.ru/index.php/zashitapprav/2010-03-28-13-26-55/zachistka-chita/>.
11. *Kolesnikov A. S.* Postmodern and new post-metaphysical thinking: from transmodernism to transversality // The News of the Leningrad State University of A. S. Pushkin. – SPb., 2010. – N 1, Vol. 2. – P. 9–10.
12. Constitution of the Russian Federation is accepted by national vote on December the 12th. 1993 – Rostov-on-Don: Phoenix, 2001. – Art. 28, 29.
13. *Foucault M.* Archeology of knowledge / M. Foucault. – SPb., 2004. – 416 p.
14. *Yu. Habermas Yu.* Philosophical discourse on a modernist style / Habermas Yu. – M., 2003. – 416 p.
15. *The centers of society of consciousness of Krishna in Russia* [On-line resource]. – M., 2010: Official webpage. – URL: http://www.krishna.ru/component?option=com_contact/catid,57/Itemid,338/.

Contemporary Confessional Space of Zabaykalsky Krai

A. V. Zhukov, A. A. Zhukova

Transbaikal State University, Chita

The article attempts to analyze the processes which have been taking place within contemporary confessional space of Transbaikal Krai where according to the author's opinion, the religious subjects both «conventional» and «nonconventional», attempting to achieve their goals, face problems of a social acceptability and legal regulation. As a lot of people participate in public discourse and seek to prove their own social loyalty, it's become proper for them to invent religious phenomena and images. Due to it the transmodernist confessional space has been forming in the territory of Post-Soviet Transbaikalia lately.

Key words: Transbaikal Krai, confessional space, transmodernism, religious associations, proselytism, religious myths-making.

Жуков Артем Вадимович – доктор философских наук, кафедра философии, теории и истории культуры Забайкальского государственного университета, 672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, д. 30, тел. 8 (3022) 324174; e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Жукова Алена Алексеевна – главный специалист научно-образовательного музейного центра Забайкальского государственного университета, 672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, д. 30, тел. 8 (3022) 324174, e-mail: kazarbina_a@mail.ru

Zhukov Artem Vadimovich – Doctor of Philosophical Sciences, the Department of Philosophy, Theory and History of Culture, the Transbaikalian State University, 672039, Chita, Aleksandro-Zavodskaya St., 30, phone 8 (3022) 324174; e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Zhukova Alena Alekseevna – Senior Specialist of the Scientific and Educational Museum Center, the Transbaikalian State University, 672039, Chita, Aleksandro-Zavodskaya St., 30, phone 8 (3022) 324174; e-mail: kazarbina_a@mail.ru